

A detailed view of Michelangelo's 'The Fall of Man' fresco. The image focuses on the muscular back of Adam, who is lying on his side, and the head of Eve, who is leaning over him. The background is a golden mosaic pattern. The text 'Дина Рубина' is overlaid in white serif font across the center of the image.

Дина Рубина

Двойная фамилия

Дина Ильинична Рубина

Двойная фамилия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163738

Эксмо;

ISBN 978-5-04-140540-3

Аннотация

Желание выпрыгнуть из навязанных обстоятельств жизни преследовало меня с детства. Может быть, отсюда – неукротимое сочинительство, страсть к хотя бы воображаемым превращениям души, пронзительное желание убежать, исчезнуть, оказаться в другом – времени, доме, городе, народе, пространстве, – с другими чувствами.

Вечная двойственность, постоянное проигрывание еще одного сюжета: «А что, если это было не так, а так?.. Или вот так?» – двойные пути, двойные ходы, двойные имена и фамилии...

Дина Рубина

Двойная фамилия

А в чем, собственно, дело, сказал я ему, чем тебя смущает моя двойная фамилия?

В конце концов, твою я взял, вот она, красуется в паспорте, вполне благозвучная, – Воздвиженский. Хоть поклонь бей. А? Я говорю – хорошая, звучная, церковнославянская...

Ты смотри на дорогу, сказал я ему, а то мы в дерево врежемся...

Да, мамина не такая звучная, но, понимаешь, меня все-таки мать воспитывала. Да если хочешь знать, сказал я ему, я б и фамилию Виктора себе присобачил, только боюсь, что на строчке не поместится. И потом, тройную уже вряд ли кто запомнит. Особенно в армии, представляешь, как меня из строя вызывать или на гауптвахту сажать? Так что не переживай, сказал я ему, вполне прилично: Крюков-Воздвиженский.

Не дуйся, что тебе – тесно? Неуютно?.. Почему – глупо? А Голенищев-Кутузов, сказал я ему сразу, а Лебедев-Кумач, а Борисов-Мусатов, а Римский-Корсаков? А Семенов-Тянь-Шанский, а Мусин-Пушкин? Ну?

Да, я начитался, сказал я ему. Есть такая слабость. Вот именно, не порок. И даже, как принято считать, – достоин-

СТВО...

...Ну конечно, изменился, сказал я ему, мы ж три года не виделись. Я ж расту, па, сказал я ему, я в принципе живу дальше...

И пусть тебя моя двойная фамилия не тревожит. На Западе, знаешь, почти у каждого человека двойное или даже тройное имя. Почему это тебе плевать на Запад, поинтересовался я, плевать никуда и ни в кого не следует, па, это некрасиво. А то плюнешь, сказал я ему, и попадешь ненароком в Эриха Марию Ремарка, или в Федерико Гарсиа Лорку, или в Габриэля Гарсиа Маркеса. Будет неловко... Запад люблю? Конечно, люблю, па, я все люблю: и Запад, и Восток, и Юг, и Север.

Я не дер-зю, сказал я ему, я поле-мизи-рую. И потом, у меня ж переходный возраст еще не кончился, так что не расстраивайся.

Да ты смотри на дорогу, сказал я ему, мы же о столб шмякнемся!

...Ой, не спрашивай, не бреди открытую рану. Еле переполз. По алгебре трояк, по физике – переэкзаменовка. Мать надеется, что за лето ты со мной подзанимаешься. Думаю, это был решающий момент в пользу моей поездки к тебе. Ты же знаешь, сказал я ему, она всегда косо смотрела на эти поездки.

По химии тоже трояк, но более жизнеспособный...

Знаешь, сказал я ему, сам удивляюсь, в кого я такой ту-

пой? Все-таки мать – конструктор, баба толковая, ты у меня вообще: не кот начихал, изобретатель с медалями, три кило патентов. А я как увижу эти ряды формул, так мне тошно становится, вот здесь, под ложечкой. Упрусь взглядом в цифры и ничего не хочу понимать. Организм протестует. Ну почему я должен ползти к этому дурацкому аттестату, почему?!

По сути дела, сказал я ему, происходит многолетнее насилие над человеческой личностью... Как – над чьей? Над моей, конечно! Чего ты смеешься? Это очень серьезно. У меня надорванная психика.

Ну, по литературе, по истории пятерки, конечно, сказал я ему, а что толку? Недавно доклад сделал, историчка просила: «Отражение истории Российского государства в полотнах русских художников». Да, ничего вроде получилось. Бегло, конечно, очень общо, сказал я ему, разве можно такую тему за полтора часа охватить... Репродукции Виктор дал, это ж его хлеб, у нас тьма альбомов дома.

Устроили, конечно, из этого мероприятие, согнали три девятых класса, историчка сидела на задней парте и тихо млела – ей же это засчитывается за внеклассную работу. А вообще, па, все это чепуха, сказал я ему...

Ни за что! Делать из этого профессию? Быть, как Виктор, каким-нибудь искусствоведом или литературоведом? Да ты что, па, ты меня не уважаешь, сказал я ему. Всю жизнь насиловать искусство только потому, что у меня неплохо под-

вешен язык и я прилично разбираюсь в живописи?.. Нет уж, спасибо. Существовать в искусстве достойно можно, только создавая что-то свое. А понимание – это всего лишь неплохие мозги, разве можно *понимание* искусства делать профессией? И потом, я как услышу это слово – искусствовед, мне смешно становится. Представляю себе эдакого типа, который искусством ведает, вроде завхоза со связкой ключей. Нет и нет!

А талантов, сказал я ему, никаких за мною не водится, увы...

А никем не хочу... Нет, правда, никем не хочу быть. Ну, ты меня серьезно спрашиваешь, а я серьезно отвечаю.

Нет, ты не так понял. Не в смысле плевать в потолок. Не хочу всю жизнь быть к чему-то привязанным: к месту работы, к такой-то квартире по такому-то адресу, к такой-то женщине, записанной в моем паспорте. Это, по сути дела, крепостное право... Как представляю? А вот как, сказал я ему: я – свободен, совсем, передвигаюсь куда хочу, когда хочу и как хочу, зарабатываю необходимый минимум на хлеб, картошку и книги как получится – где вагон разгружу, где на прополку овощей наймусь... У нас такая личность называется «бич» и преследуется законом, а вот во Франции очень принято, например, наняться на сезон в Голландию – тюльпаны сажать.

Ну что ты заладил, па, сказал я ему, «Смотришь на Запад!». Я кругом смотрю, не только на Запад. Я смотрю во-

круг себя, сказал я ему, а не только в указанном направлении, хотя мне с детства направление пытались указывать все кому не лень. Родители – еще туда-сюда, куда их денешь, сказал я ему, но вот тебя хватают за шиворот, суют в общий вагон, и всех в одном направлении: сначала октябрятская звездочка, потом дружный коллектив класса, потом комсомольская ячейка института, и так до конца жизни. Ой-ой-ой, испугал: единоличник! Надеюсь, сказал я ему. Надеюсь, что я – единоличник. Все, что сделано в искусстве и науке, сделано единоличниками.

Ну ладно, сказал я ему, не пугайся. У тебя, па, вид такой обескураженный. Думаешь, наверное, что я попал в лапы наших врагов. Мало ли чего я болтаю, сказал я ему, возраст такой, переходный, и три года мы не виделись. Ты меня здесь за лето обстругаешь и отполируешь до зеркального блеска. Смотри на дорогу... Грузила новые купил? Молоток... Помнишь на Голубых озерах цаплю, похожую на твоего Кирилл Саныча! Ох, умора! Па, а правда, у меня совсем уже бас установился? Почему это – баритон? Бас, бас, сказал я ему, натуральный бас. Нас с Виктором почему-то путают по телефону, говорят – голоса похожи. По-моему, совсем не похожи... При чем тут Виктор?

Дома как? Нормально дома... Мама? Ну ты же знаешь, сказал я ему, мама всегда больна...

...В самом деле, и чего я привязался к нему с этой двой-

ной фамилией? Просто в тот момент, когда он с гордостью продемонстрировал новенький, словно отутюженный паспорт с этой самой фамилией-поездом, меня вдруг как обухом: он все знает!

Боже мой, как я его ждал! Как я выцарапывал его *оттуда* в это лето телефонными звонками, письмами, телеграммами. Я отправил на дорогу всю премию, хотя на билет хватило бы ее пятой части. До вчерашнего дня я так и не был уверен, что они отпустят его. Ведь изобретали же они причины все эти три года.

Ничего, ничего, я просто перенервничал. Все в порядке, шеф, все в полном порядке. Досадный срыв – не спал две ночи, с утра гонял на рынок за фруктами, драил свою берлогу и все время думал: теперь он взрослый парень, взрослый. Мы же три года не виделись. Он с такой щенячьей гордостью показал мне паспорт со своей двойной фамилией, черт бы меня подрал. И я вдруг глупо прицепился к нему, дурак, жалкий старый дурак!

Да, я растерялся. Хотя при чем тут двойная фамилия? Вот при чем: запахло жареным. Столько лет я частенько в мыслях жалел Виктора, да, мне в голову не приходило жалеть себя. Я так и думал этими словами: «бедняга Виктор», думал я. А тут, когда в самую точку было бы пожалеть Виктора именно сейчас, я испугался. Я понял впервые, что чувствуешь, когда тебя прошибает холодный пот.

...Ну что ж, наивно думать, что мальчик проживет всю

жизнь, так и не узнав правды. Это несправедливо по отношению к нему. Когда-нибудь придется все рассказать, расставить по местам каждого из нас, разъяснить эту дикую ситуацию, разобрать по камешкам крепость лжи, возведенную для его спокойствия. И что говорить при этом? Доведись мне – что бы я сказал ему?

Видишь ли, мужик, мы лгали во имя тебя, сказал бы я ему. Ради тебя трое взрослых людей поддерживают доброжелательные отношения по телефону, договариваются о разных бытовых мелочах, обсуждают твой характер и планы на будущее, – трое взрослых, которым давно хочется забыть друг о друге...

Видишь ли, мужик, сказал бы я ему, начинать-то надо не с тебя, а с того, что восемь лет тебя не было и с каждым годом таяла надежда, что когда-нибудь ты появишься. Мама всегда была больным человеком – почки, гипертония, то-се, а главное, органы, которые предназначены для этого дела, ну, ты взрослый парень, сам понимаешь... Восемь лет...

Да, сказал бы я ему, это верно, мы неважно жили с твоей мамой. Не сразу, конечно, но наша тающая надежда теплилась, как чахоточная девочка в семье. Знаешь, это подтачивает отношения мужчины и женщины. Нет, конечно, есть семьи, прекрасно существующие без детей, но здесь другой случай.

Словом, когда надежда на твое появление совсем зачахла, тут ты и забрезжил. В один прекрасный для меня день.

Врачи уверяли, что наш случай один на тысячи. И тогда я подумал: мой ребенок должен быть чертовски везучим, если ему удалось возникнуть и выжить тогда, когда это не удается тысяче других. Мой ребенок будет счастливым, думал я, ведь ему уже повезло. И я стал ждать тебя. Я неистово ждал тебя, мужик, сказал бы я ему, для меня уже тогда ты был не смутным зреющим комочком, а конкретным человеком, личностью, уже совершившей поступок тем, что крохотной клеточкой уцепился за жизнь на краю небытия и выжил.

Знаешь, мужик, сказал бы я ему, вот тогда все изменилось у нас. Твоя мать стала вдруг очень нежна со мной. Ее обычная раздражительность растворилась в нашем общем ожидании тебя. Ну что ж, говорил я себе, значит, это правда, что женщина становится мягче и трепетнее в этот период. Ты уже взрослый парень, мужик, сказал бы я ему, бойся внезапной женской нежности. Это нежность подползающего удава, заранее жалеющего свою жертву.

У меня нет ненависти к твоей матери, мужик, сказал бы я ему. Просто у нас с ней свои счеты, и не твоего ума это дело.

Да, это правда, что я не забыл и не простил ей никогда, но – не предательства, нет – все мы слабые люди, сынок, и всякое может случиться с человеком; я не простил ей этой обдуманной нежности. И в дальнейшем я не прощал этого всем женщинам, которых встречал на своей дороге. Поэтому я один, мужик, сказал бы я ему...

...Мама? Ну, ты же знаешь – мама всегда больна, поэтому

проживет дольше нас всех. Почему груб? Я не груб, сказал я ему, а критичен. Мать я люблю, она меня вырастила, просто объективно оцениваю действительность. Вот кто правда сдал в последнее время – это Виктор. Кажется, я писал тебе, что полгода назад его трахнул небольшой инфаркт? Словечко? Да брось ты, па, сказал я ему, это не хамство, я прост и суров. Ты просил рассказать, как дома, я рассказываю.

Так вот, Виктор... После этого инфаркта он постарел, как будто разом от всего устал. Он вполне приличный дядька, ты же знаешь, мы с ним всегда ладили, а в последнее время он стал угрюмый, вспыльчивый, пару раз даже стычки у нас были... Ну и что? Больной не больной, это не повод орать.

Что на днях было, к примеру: сидели мы на кухне, завтракали. Я, не помню уже по какому поводу, говорю матери, мол, что за имя вы с отцом мне выбрали – Филипп! Дура классная уже раза два острила, что мой аттестат будет филькиной грамотой. Не могли назвать каким-нибудь нормальным Сашей или Димой?

А мать мне на это, довольно мирно, между прочим, говорит: зато, мол, этих Саш и Дим в каждом классе по пять штук, а ты такой один на всю школу... Ой, па, ей-богу, смотри ты на дорогу, сказал я ему, что ты каждую минуту на меня вытаращиваешься!

Так вот... А я тут и говорю ей: тогда надо было назвать меня Остеохондроз, я был бы один такой на весь земной шар. Нормально схохмил? Вот. Был бы, говорю, Остеохондроз Ге-

оргиевич Крюков-Воздвиженский... Дело в том, что, понимаешь, мать разыскала у себя новую болячку, этакую милягу – остеохондроз. Целыми днями только и слышишь: остеохондроз там, остеохондроз здесь. Он прямо как член семьи у нас поселился. Ну ты же знаешь, когда мать увлекается какой-нибудь новой болезнью, она делает это вдохновенно и с большой душевной отдачей.

Нет, ты не подумай, сказал я ему, мать я вообще-то жалею, но больше всех ее жалеет она сама. Ой, ну ладно, дай дорасскажу, потом насчет сострадания выдашь.

Только я пошутил про этот самый остеохондроз, Виктор вдруг ни с того ни с сего ка-ак шарахнет кулаком по столу и давай нести всякую ахинею: тра-та-та благодарность, ну ни к селу ни к городу, а главное, совсем не из своей оперы. Какой-то воспитательный момент из плохой телевизионной киношки. Я даже оторопел. Там и такие словеса, между прочим, мелькали, про поим-кормим-одеваем. Ну разве не гадость, па? Тем более что ты очень прилично на меня посылаешь. Я возмутился и демонстративно свой бутерброд надкушенный ему предоставил прямо под нос... Между прочим, так и уехал, не помирившись. Виктор, надо сказать, переживал и в последний день даже подлизывался слегка, хотел наладить отношения. Но я – фиг вам, я человек суровый.

Не морочь мне голову, па, почему я должен спускать несправедливость только потому, что человек себе инфаркт нагулял? Да нет, «нагулял» – это, конечно, опечатка, сказал

я ему. Куда Виктору гулять при его брюшке и лысине, кому он нужен! Вот ты у меня молоток, сказал я ему, подтянутый такой, сухопарый американец. Грива седая, суровые морщины лоб бороздят. Смотрю на тебя, и мне льстит мой портрет в ста... в зрелом возрасте, я хотел сказать... Кстати, как у тебя в личном, па, без новостей?.. Ну, извини, извини, сказал я ему, главное – смотри на дорогу, мне еще жить да жить...
...Поэтому я один, мужик...

Впрочем, одну женщину неизменно вспоминаю с почти-тельной нежностью незнакомца.

Я даже имени ее не знал. Вообще я ничего не знал о ней. Только видел. Ночью, когда она включала лампу, чтобы покормить своего ребенка.

Ты, конечно, не помнишь нашей старой квартиры. Тесная такая двухкомнатная квартирка, какие строили лет тридцать назад. И дома строили кучно, чуть ли не впритык один к другому. Наши окна и окно этой женщины просто гляделись друг в друга.

Это было время, когда я отсчитывал дни до твоего рождения. Ты же знаешь, я люблю работать по ночам. Кофе покрепче, пачка сигарет, чертежная доска и тетрадь с расчетами – да, бывают вечера, когда за работой я чувствую себя счастливым. А в те месяцы, мужик, мне удавалось все необычайно, минутами я верил, что в своем деле способен на нечто выдающееся...

Так вот, около двенадцати тихим светом озарялось окно

в доме напротив. В освещенном, без занавесок, прямоугольнике окна простоволосая женщина в сорочке двигалась по комнате медленно и сонно, как рыба в аквариуме.

Иногда, накормив ребенка, сразу укладывала его в коляску и гасила свет. А бывало, подолгу укачивала его, лунатически слоняясь по комнате. Никого другого никогда в этом окне я не видел. Женщина всегда была одна. Она и ребенок.

Сначала мне казалось странным, как при такой скученности домов она не догадалась повесить занавески, ведь вся комната с унылой железной кроватью и детской коляской просматривалась от стены до стены. Потом я понял: ей было не до того. Когда каждую ночь тебя будит голодный плач ребенка, и ты с усилием отрываешь от подушки тяжелую голову, и собственное тело кажется ватным и свинцовым одновременно, и это изо дня в день, вернее, из ночи в ночь много месяцев, – тогда, конечно, тебе абсолютно до лампочки, что там видят из окон соседи, а если и видят, то пусть катятся ко всем лешим.

Я понял это пару месяцев спустя, когда родился ты и наши окна стали зажигаться почти одновременно – на перекличку Великого Братства Кормящих. Только у меня не было такого преимущества, как благодатная грудь, полная молока. Поэтому, натыкаясь на косяки и поскуливая от усталости, я сначала тащился на кухню разогревать бутылочку.

Но все это было потом, сказал бы я ему, потом, после того звонка.

День, когда ты родился, когда я наконец дождался тебя... Ладно, не будем об этом, не стоит распускать слюни, мужик, а без слюней я здесь не обойдусь, сказал бы я ему. Видишь ли, мне исполнилось в тот год сорок лет. Когда мужчине стукнет сорок, это, как ты говоришь, не кот начихал. Мне было сорок лет, и я кое-что умел в своем деле, и вот у меня родился сын.

Я до сих пор помню голос женщины в справочной роддома, голос с певучим украинским растягиванием гласных: «Сы-ин у вас...»

Да, мужик, сказал бы я ему, незачем гневить судьбу – я пережил это мгновение. И целых два дня потом у меня был сын. У меня был сын, мужик, целых два дня. И я этому моему сыну успел закупить все, что требуется для счастливой жизни, – пеленки, распашонки, шапочки и замечательную коляску цвета морской волны.

А потом мне позвонили... Накануне вечером я поздно лег – до часу клеил обои в будущей твоей комнате. И всю ночь мне снилась наша эвакуация в Ташкент, черные, паленные солнцем толкучки и мама, удивительно живая и сытая. Всю ночь крутилась муторная карусель – тяжелое, давящее сердце детство, а в полвосьмого меня разбудил звонок.

– Георгий? – спросил прерывистый, торопящийся голос женщины. – Вы знаете, что ваша жена родила не от вас?

Это было продолжением дурного сна.

– Вы не туда попали, – сказал я.

– Туда! Туда! – крикнула она надрывно, толчками и, кажется, плача. – Господи, о чем вы думаете?! Вы что – считать не умеете? Жена рождает после курорта восьмимесячного ребенка на четыре кило, а муж как слепой, как дурной – ходит и радуется!

– Какой курорт? – спросил я, растирая ладонью занемевшее сердце. – Что вы мелете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.